

Текст 12. А. П. Чехов «Рассказ старшего садовника»

В оранжерею графов N происходила распродажа цветов. Покупателей было мало: я, мой сосед-помещик и молодой купец, торгующий лесом. Пока работники выносили наши волшебные покупки и укладывали их на телеги, мы сидели у входа в оранжерею и беседовали о том о сём. В тёплое апрельское утро сидеть в саду, слушать птиц и видеть, как вынесенные на свободу цветы нежатся на солнце, было чрезвычайно приятно.

Укладыванием растений распоряжался сам Михаил Карлович, садовник, почтенный старик с бритым лицом, в меховой жилетке, без скюртука. Он всё время молчал, но прислушивался к нашему разговору и ждал, не скажем ли мы чего-нибудь новенького. Это был умный, очень добрый и всеми уважаемый человек.

— Этот вот молодчик, рекомендую, ужасный негодяй, — сказал мой сосед, указывая на работника со смуглым цыганским лицом, который проехал мимо на бочке с водой. — На прошлой неделе его судили в городе за грабёж и оправдали. Признали его душевнобольным, а между тем взгляните на рожу, он здоровёхонек. В последнее время в России уж очень часто оправдывают негодяев, объясняя всё болезненным состоянием, между тем эти оправдательные приговоры, это очевидное послабление и потворство, к добру не ведут. Они деморализуют массу, чувство справедливости притупилось у всех, так как привыкли уже видеть порок безнаказанным, и, знаете ли, про наше время смело можно сказать словами Шекспира: «В наш злой, развратный век и добродетель должна просить прощенья у порока».

— Это верно, верно, — согласился купец. — Оттого, что оправдывают в судах, убийств и поджогов стало гораздо больше. Спросите-ка у мужиков.

Садовник Михаил Карлович обернулся к нам и сказал.

— Что касается меня, господа, то я всегда с восторгом встречаю оправдательные приговоры. Я не боюсь за нравственность и за справедливость, когда говорят «невиновен», а, напротив, чувствую удовольствие. Даже когда моя совесть говорит мне, что, оправдав преступника, присяжные сделали ошибку, то и тогда я торжествую. Судите сами, господа: если судьи и присяжные верят более человеку, чем уликам, вещественным доказательствам и речам, то разве эта вера в человека сама по себе не выше всяких житейских соображений?

Антон Павлович Чехов — известный русский писатель.

